

Mnich, Roman

Дмитрий Чижевский и формализм: гуссерлианский контекст

In: *Dialogy o slovanských literaturách : tradice a perspektivy*. Dohnal, Josef (editor); Zelenka, Miloš (editor). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2012, pp. 135-145

ISBN 9788021058507

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132779>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ДМИТРИЙ ЧИЖЕВСКИЙ И ФОРМАЛИЗМ: ГУССЕРЛИАНСКИЙ КОНТЕКСТ

Roman Mnich (Siedlce)

Abstract:

The article deals with the attitude of Chizhevsky (1894–1977), the philosopher and philologist, to a formalism and dependence of the ideology of formalism on philosophic system by Husserl. The author examined three aspects of that attitude and dependence: 1) Chizhevsky as a student of Husserl; 2) philosophic literary studies by Chizhevsky; 3) formalistic works by Chizhevsky and his remarks about Russian formalists.

Key words: Dmitry Chizhevsky, Edmund Husserl, phenomenology, formalism, structuralism, defamiliarization

Когда сегодня мы в очередной раз сталкиваемся с проблемами и концепциями формализма, поневоле вспоминается знаменитый афоризм Рене Декарта о том, что нужно определять значение слов и тем самым избавлять мир от половины недоразумений. В отношении формализма этот афоризм приобрел бы другое звучание: изучая исторический контекст возникновения формализма и уточняя смысл его терминологии, мы бы сделали ненужным чтение больше половины посвящённых ему исследований.

Наверное, ни одно интеллектуальное движение в области литературоведения прошлого века не вызывало столько споров и противоречивых мнений, как формализм, его научная парадигма и дискуссии на тему, что такое форма и содержание художественного произведения. Это связано, очевидно, с тем фактом, что именно формализм впервые в истории европейской эстетической и философской мысли начал рассматривать литературу как автономный феномен. Поэтому любая литературоведческая теория 20 века так или иначе выражала свое отношение к формализму, соглашаясь или оспаривая его постулаты, а некоторые течения и методологии (семиотика и структурализм) рассматриваются исследователями как возрождение или непосредственное продолжение идей формалистов. Подводя своеобразные итоги изучения формализма и его влияния на гуманитарные науки, Юрий Лотман в книге *Непредсказуемые механизмы культуры* писал, что именно формализму и семиотике Ф. де Соссюра мы обязаны введением в гуманитарные науки большей точности описания и сближением их с другими областями знания: «Перечисленные ранее научные направления смотрели на язык, на художественные структуры, искусство как на пассивные прозрачные стёкла, сквозь которые исследователь рассматривает более глубокие и значительно более существенные структуры. Для гегельянцев это были философские построения, для социологов – экономические структуры. Языковой и художественный уровни текста выступали в роли некое-

го фантика-обертки: его следовало развернуть, забыть и обратиться к «содержанию». Новое направление исходило из убеждения, что то, **что** говорить, неотделимо от того, **как** говорится. А поскольку это **что** уже было чужой, захваченной и хорошо обороняемой территорией, внимание нового направления сосредоточилось на этом **как**. Отсюда пошло распространенное представление о том, что формалисты в принципе игнорировали содержание. Формалисты напрасно повторяли, что это неверно, что в их представлении содержание всегда определённым образом построено, и изучать его, игнорируя эту «построенность», просто невозможно. Их не слушали. Их не оспаривали, а „разоблачали“¹.

После монографических исследований о русском формализме Виктора Эрлиха², Петра Штайнера³, Ааге Ханзена-Лёве⁴ мы можем уже иначе говорить как о генезисе формализма, так и о его значении для развития европейского литературоведения после 1945 года. В последние два десятилетия мы наблюдаем своеобразный ренессанс исследовательского интереса к культурно-историческим процессам в России 20–30-ых годов прошлого века, в том числе и к формализму. Этому интересу сопутствуют многие научные проекты: издание сочинений Михаила Бахтина с крупнейшим корпусом примечаний⁵, проект по изданию текстов Густава Шпета, Бохумский проект, направленный на интерпретацию культурной парадигмы 20–30-ых годов («Русская эстетика и теория искусства 1920-х годов в контексте европейской дискуссии») и тому подобные исследования, конечно же, позволяют по-новому прочитать историю формализма.

Вопрос о гуссерлианском контексте формализма⁶ специально рассматривался в двух основных публикациях: сначала, в 1975 году, в работе Эль-

¹ Лотман, Ю.: Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн 2010. С. 33–34.

² Victor Erlich: Russian Formalism. History – Doctrine. Second, revised edition. Mouton, The Hague, 1965, p. 157–163. См. русский перевод книги: Виктор Эрлих: Русский формализм: история и теория. Санкт-Петербург 1996.

³ Steiner, P.: Ruský formalismus. Metaapoetyka. Brno 2011.

⁴ См. русский перевод книги: Ханзен-Лёве, О. А.: Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. Москва 2001.

⁵ Для нашего сообщения особое значение имеет первый том М. Бахтина, посвященный философской эстетике 20-х годов и диалогу с формализмом, см: Бахтин, М.: Собрание сочинений. Том 1: Философская эстетика 1920-х годов. Москва 2003 (библиографию, касающуюся споров с формалистами см. на стр. 726–727).

⁶ Философские корни формализма и его генезис в контексте европейской философской традиции на сегодня не исследованы основательно. Гуссерлианство в этом контексте предстает как само собою разумеющееся, но аналогичные интересные сопоставления (и даже конкретные влияния) мы можем привести в отношении философии И. Канта и неокантианства (особенно Эрнста Кассирера и его концепции символической формы искусства). В свое время Борис Парамонов весьма серьезно отстаивал гегельянский аспект русского формализма: «В связи с формализмом писали не только о Канте (априоризм формы, незаинтересованное созерцание, игра), но и о Гуссерле, Кассирере,

мара Холенштайна о Якобсоне и Гуссерле⁷, а позже, более основательно в литературно-теоретическом контексте – в книге А. Ханзен-Лёве о русском формализме⁸. Анализируя концепцию Э. Холенштайна, А. Ханзен-Лёве отметил, что её недостаток состоял в том, что автор «ссылается исключительно на ранние работы Якобсона, а не на формализм в целом»⁹. А. Ханзен-Лёве подчеркивал, что камнем преткновения в проблеме влияния феноменологии на формализм является вопрос о так называемой редукции: «Сравнительный анализ формалистского и феноменологического редукционизма должен начинаться там, где с наибольшей ясностью проявляется их «общий знаменатель»: в анализе формализма, предпринятом Энгельгардом, анализе, который стремится придать формализму (прежде всего Ф1/Ф2)¹⁰, исходя из неокантианской эстетики и работ освоивших Гуссерля представителей «формально-философской» школы» вокруг Г. Г. Шпета, философско-эстетическую базу. Проведённый Энгельгардом анализ формалистской редукции, устранение опосредующего представления об эстетическом сообщении как транзитивно направленном «выражении» некоторого «замысла» или «задания», детерминированных внеэстетически и генетически социальной, биографической, идеологической позицией автора, вполне вписываются

о структурализме и гештальтпсихологии. Во всем этом много верного, но ни разу не было названо главное, по нашему мнению, имя – Гегель». И далее как вывод: «В русском формализме произошло воспроизведение ситуации, характерной для романтической Германии начала XIX века. Можно сказать, что формалисты сыграли роль Гегеля по отношению к русским романтикам – символистам. Но были в этой ситуации и особенности, объясняемые уже климатом века XX» (Борис Парамонов: Формализм: метод или мировоззрение?, «Новое литературное обозрение» 1995, №4, с. 35, 47).

⁷ Holenstein, E.: Roman Jacobsons phänomenologischer Strukturalismus. Frankfurt am Main 1975.

⁸ Мы не затрагиваем сейчас вопроса о русском гуссерлианстве вообще, вне формалистского контекста. Эта проблема интересна сама по себе, и она частично уже исследована: от давних статей Б. Яковенко (Эд. Гуссерль и русская философия) до монографии Александра Хаардта (Haardt, A.: Husserl in Russland: Phänomenologie der Sprache und Kunst bei Gustav Špet and Aleksej Losev. München 1992). В этом же контексте см.: Mathauser, Z.: Edmund Husserl a ruská filozofie, „Filozofický časopis“, ročník XXXVIII, 1990, číslo 1–2, s. 107–117. Целый ряд связей Э. Гуссерля с русскими философами исследователи однако не учитывают, как, например, его встречи и разговоры с Л. Шестовым (см. воспоминания Льва Шестова об Э. Гуссерле: Лев Шестов: Памяти великого философа (Эдмунд Гуссерль), «Русские записки», декабрь (XII), Париж 1938, с. 126–145 и январь (XIII), Париж 1939, с. 107–116). В книге П. Штайнера (Steiner, P.: Ruský formalismus. Meta-poetika. Brno 2011) гуссерлианский контекст русского формализма рассмотрен (с. 198–201, 245–259), но, к сожалению, имени Д. Чижевского автор вообще не упоминает.

⁹ Ханзен-Лёве, О. А.: Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. Москва 2001, с. 173.

¹⁰ В своей концепции А. Ханзен-Лёве определяет три этапа и соответственно три варианта формализма, обозначив их соответственно: Ф1, Ф2 и Ф3.

в область раннефеноменологической ерочé, «заклучения в скобки» экстра-феноменальной постановки вопросов и детерминант»¹¹.

В контексте приведённой цитаты предстают два основных вектора обозначенного влияния феноменологии на формализм – проблема редукции и антипсихологизм¹². А. Ханзен-Лёве добавляет третий – проблему конкретизации: «Выведенное в пражском структурализме из феноменологии Гуссерля и Ингардена понятие «конкретизация» находится – со всеми своими разновидностями – в тесной связи с формалистской теорией остранения, нашедшей продолжение в чешском принципе aktualizace»¹³. Обозначенные три феноменологических аспекта формализма (редукция, антипсихологизм и конкретизация) по-разному интерпретируются исследователями. Но само влияние феноменологии Э. Гуссерля на формализм, как и тесная (эволюционная) связь формализма со структурализмом (как чешским, так и французским) и семиотикой (московско-тартуской школы и одновременно западной) акцентируется во всех современных исследованиях и справочниках по теории литературы¹⁴. Вместе с тем, исследователи отмечают две существеннейшие черты в формалистской концепции литературы, которые определяли, по словам Романа Якобсона, саму литературность и были следствием восприятия философии Э. Гуссерля. С одной стороны, тот факт, что для формалистов «поэтический язык уже не является восстановленным исходным языком, а представляет собой язык, сознательно сконструирован-

¹¹ Ханзен-Лёве, О. А. : Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. Москва 2001, с. 173–174.

¹² Ср.: «Существенным в данном случае является лишь указание на разную направленность феноменологической и формалистской редукции – обстоятельство, которому до сих пор уделялось слишком мало внимания: речь все время шла о значительном влиянии феноменологии Гуссерля и о посреднической функции прежде всего в связи с Московским лингвистическим кружком и особенно Якобсоном, который сам часто обращал внимание на это явление. В действительности же речь идёт не о серьезном влиянии строгой феноменологии, а о влиянии той редуцированной формы феноменологии, которую обобщённо называют позитивистским феноменализмом» (Ханзен-Лёве, О. А.: Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. Москва 2001, с. 175). В случае с Д. Чижевским мы можем говорить именно о серьёзном если не влиянии, то восприятии феноменологии.

¹³ Ханзен-Лёве, О. А.: Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. Москва 2001, с. 71.

¹⁴ Своеобразные итоги по этому поводу представлены во втором томе немецкого энциклопедического литературоведческого словаря, см.: *Handbuch Literaturwissenschaft*. Hrg. von Thomas Anz. Band 2. *Methoden und Theorien*. Stuttgart 2007, S. 289–297. Ср. в этом же контексте: «Husserls Phänomenologie mit ihrer Kategorie der «Einstellung», vor allem aber die von Linguisten wie Ferdinand de Saussure und Baudoin de Courtenay auf den Weg gebrachte strukturelle Sprachwissenschaft mit ihrer zentralen Unterscheidung zwischen Paradigmatik und Syntagmatik bilden die gemeinsame Grundlage für den Russischen Formalismus wie den daraus hervorgegangenen Strukturalismus in der Literaturwissenschaft» (Grübel, R.: *Formalismus und Strukturalismus*, in: *Grundzüge der Literaturwissenschaft*. Hrg. von H. L. Arnold und H. Detering, Göttingen 1997. S. 386)

Дмитрий Чижевский и формализм: гуссерлианский контекст

ный (речь-построение)»¹⁵. С другой стороны, именно под влиянием формализма последующие течения в литературоведении «стали предавать преимущественное значение явлениям отклонения и самосознания в литературе в противоположность условности и реализму»¹⁶.

В русле этих размышлений следует отметить, что Роман Якобсон в своих лекциях о русской формальной школе, прочитанных в брненском университете в 30-ые годы, специально подчёркивал влияние Э. Гуссерля на формалистов: «Формалисты перенимают от Гуссерля важное наблюдение, подготовленное, с одной стороны, исследованием языковых фикций Brentano и Марти, с другой – учением Гумбольдта о внутренней языковой форме. Речь идёт о принципиальных различиях между значением слова (Bedeutung) и отношением к реальности, или предметностью слова (dinglicher Bezug, или Gegenständlichkeit). Некоторые языковеды используют для обозначения этого различия в понятиях иные термины – значение слова вообще и его актуальное значение (Bedeutung и Meinung)»¹⁷. Идеи Э. Гуссерля упоминались Р. Якобсоном и в его программной публикации *Новейшая русская поэзия*, в связи с описанием свойств поэтических неологизмов¹⁸.

Имя Дмитрия Чижевского (1894–1977)¹⁹ в исследованиях о формализме, к сожалению, не фигурирует, а если и появляется (как в упомянутых выше книгах В. Эрлиха или А. Ханзена-Лёве), то маргинально. Хотя Д. Чижевский был активнейшим членом Пражского лингвистического кружка, всю жизнь поддерживал научные контакты с Романом Якобсоном²⁰,

¹⁵ Лахманн, Р.: Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. Санкт-Петербург 2001, с. 255.

¹⁶ Компаньон, А.: Демон теории. Литература и здравый смысл. Москва 2001. С. 51.

¹⁷ На сегодня брненские лекции Романа Якобсона уже изданы Томашом Гланцем, см. Якобсон, Р.: Формальная школа и современное русское литературоведение. Москва 2011, с. 65.

¹⁸ См.: Якобсон, Р.: Работы по поэтике. Москва 1987, с. 299.

¹⁹ О жизни Д. Чижевского см.: Korthaase, W.: Дмитрий Чижевский: жизнь великого учёного. Siedlce 2010. О специфике творчества Дмитрия Чижевского см. два, изданные в Дрогобыче тома «Славистика», полностью посвященные Д. Чижевскому. См. также: Чижевский, Д. И.: Избранное в 3 томах. Том 1: Материалы к биографии (1894–1977). Составление и вступительная статья В. Янца. Москва 2007. Д. Чижевскому не везёт с изданием его работ: до сегодняшнего дня нет научного издания его основных текстов (ни на русском, ни на украинском языке). А переиздание работ учёного свидетельствует о том, что научные редакторы (как правило – профессора!) и корректоры просто не читают их. Так, в современном переиздании монографии Гегель в России не исправлено имя Гегеля (вместо Гоголя, ошибка первого, парижского издания 1939 года), и мы читаем о том, что «в поэме Гегеля (sic! – Р. М.) выступает вся Россия» (Чижевский, Д. И.: Гегель в России. Санкт-Петербург 2007, с. 195). Аналогично, ни в одном переиздании монографии о философии Г. Сковороды не исправлены ошибки примечаний первого издания: в пятом разделе книги перепутаны имена немецкого философа Э. Кассирера и силезского мистика Даниэля Чепко.

²⁰ Отношения Д. Чижевского и Р. Якобсона были странными и сложными, их можно обозначить как «дружба-вражда», о чём свидетельствует ставшая в кругу знакомых афоризмом фраза Д. Чижевского «Якобсон оказался свиньёй». В этом плане характерно высказывание Д. Чижевского из пись-

публиковал специальные работы, связанные с идеологией формализма, до конца жизни был связан с представителями русского формализма и структу- рализма, переписывался с ними.

Подводя предварительные итоги в исследовании этой проблемы, мы можем говорить о трёх составных и трёх источниках гуссерлианства Дмитрия Чижевского. Во-первых, Д. Чижевский был прямым учеником Э. Гуссерля²¹, он посещал семинары и лекции Э. Гуссерля, участвовал активно в дискуссиях (всё это отражено в хронике жизни Э. Гуссерля)²². Д. Чижевский посещал лекции Э. Гуссерля вместе с Федором Степуном, участвовал в семинаре по логике вместе с такими людьми, как, например, известный философ Карл Лёвит или болгарский поэт и философ Янко Янев (1900–1945). Стоит здесь вспомнить, что семинары Э. Гуссерля были обычно посвящены интерпретации текстов – главным образом европейских философов. Роман Ингарден так вспоминает об этих семинарах: «Речь шла, однако, не об анализе текста в обычном смысле слова и не об историческом разъяснении учения данного философа, но, прежде всего, о феноменологическом анализе проблем и фактов, которые рассматривались в тексте, который читался в качестве основного. Это была феноменология на полях чужого хода мысли. Иногда здесь имели место весьма далеко идущие феноменологические анализы, которые равным образом вели в область тех проблем, над которыми работал Гуссерль»²³. Проблема текста – и об этом мы не должны забывать, когда говорим о гуссерлианском контексте русского формализма вообще – была одной из центральных для самого Эдмунда Гуссерля. Нам первых страницах *Логических исследований* Э. Гуссерль писал: «Наука обладает объективным содержанием только в своей литературе, только в виде письменных произведений ведёт она самостоятельное существование, хотя и связанное многочисленными нитями с чело-

ма к Зое Юрьевой (от 4 августа 1955 года): «Возвращаться в Гарвард при господстве Якобсона невозможно: ничего подобного по наглости и хамству я в жизни не встречал. Ему останется только задача – делать мне «рекламу» после моей смерти» (Архив В. Кортхаазе).

²¹ Гуссерлианство Д. Чижевского уже в 20–30 годы отмечали и подчёркивали его современники: так Борис Яковенко писал, что «систематически-философские работы молодого украинского философа Д. Чижевского» находятся «под сильным влиянием Гуссерля и его последователей». См.: Boris Jakowenko: Ed. Husserl und die russische Philosophie, «Der Russische Gedanke», 1. Jahrgang, II. Heft, S. 212 («Endlich sind auch die systematisch-philosophischen Arbeiten des jungen ukrainischen Philosophen D. Tschizewskij durch die Ideen und Lehren Husserls und seiner Nachfolger ganz entscheiden beeinflusst»).

²² См.: Schuhmann, K.: Husserl-Chronik. Denk- und Lebensweg Edmund Husserls. Husserl-Archiv (Leuven) 1977, S. 259, 281.

²³ Ингарден, Р.: Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля, в: http://archive.sfi.ru/lib.asp?rubr_id=823 (печуyc от 15. 02. 2012).

веком и его интеллектуальной деятельностью; в этой форме она живёт тысячелетиями и переживает личности, поколения и нации»²⁴.

Во-вторых, как уже упоминалось, Д. Чижевский был членом Пражского лингвистического кружка, который тоже находился под влиянием философии Э. Гуссерля и где философ выступал с докладом²⁵. Вспомним здесь и о публикации на русском языке в 1967 году сборника статей *Пражский лингвистический кружок*, вторая часть которого была посвящена литературоведению²⁶. Этот сборник (литературоведческую часть книги) в 1971 году Д. Чижевский переиздал в серии «Slavische Propyläen» со своим предисловием, в котором специально подчёркивал успехи Пражского кружка на пути единства языкознания и литературоведения. Д. Чижевский на склоне лет оставил текст под названием *Пражские воспоминания. Возникновение Пражского лингвистического кружка и его достижения*²⁷. В-третьих, наконец, Д. Чижевский сотрудничал с видными гуссерлианцами-литературоведами, как например, Роман Ингарден. Свою теоретическую поэтику (взгляды на главные проблемы интерпретации литературного произведения и основные дефиниции категорий классической поэтики) Д. Чижевский изложил во введении к своей монографии *История украинской литературы*. Эта теоретическая поэтика Д. Чижевского довольно «формализована» и напоминает поэтику Бориса Томашевского (здесь мы прямо можем говорить о связи Д. Чижевского с теорией литературы русских формалистов).

Гуссерлианский формализм Дмитрия Чижевского проявился тоже в трёх аспектах. Во-первых, в ранних его философских работах, где впервые в его творчестве начинает функционировать термин «формализм», правда, по отношению к этике. Это было в конце тридцатых годов, в Праге, где Дмитрий Чижевский сотрудничал одновременно с кругами русской и украинской эмиграции. В это время он печатает четыре статьи, которые можно рассматривать как своеобразную маленькую научную трилогию (две статьи посвящены Достоевскому и образуют как бы один цельный текст): 1) «О формализме в этике (заметки о современном кризисе этической теории)»; 2) «К проблеме двойника у Достоевского»; 3) «Достоевский – психолог»; 4) «Этика и логика (к вопросу о преодолении этического формализма)».

²⁴ Гуссерль, Э.: Логические исследования. Картезианские размышления. Минск–Москва 2000, с. 23.

²⁵ О философском литературоведении Д. Чижевского в контексте Пражского лингвистического кружка см.: Mnich, R.: Пражский лингвистический кружок и русское философское литературоведение (в печати). В этом же контексте см.: Toman, J.: Příběh jednoho moderního projektu. Pražský lingvistický kroužek, 1926–1948. Praha 2011 (passim).

²⁶ Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. Составление, редакция и предисловие Н. А. Кондрашова. Москва 1967, с. 317–557.

²⁷ См. эти тексты в издании: Чижевский Д. И., Избранное в трёх томах. Том 1: Материалы к биографии (1894–1977). Москва 2007.

Сами заглавия приведённых работ Чижевского свидетельствуют о том, что проблема творчества ставится Д. Чижевским в ее единстве с моральной ответственностью художника и логическими категориями законов творчества. Д. Чижевский пытается обосновать философски единство трех фундаментальных понятий: ЭТИКА, ЛОГИКА и ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО. В таком контексте четко проявляет себя характерное для учёного единство филологии и философии. Именно вопрос о логике творчества провоцирует здесь интерпретацию проблем поэтики в русле идей русского формализма и Пражского лингвистического кружка, а проблема этики в этой ситуации и тема Ф. Достоевского побуждает к определённым параллелям – прежде всего к работам Михаила Бахтина того времени. Книга М. Бахтина о Ф. Достоевском (*Проблемы творчества Достоевского*²⁸) появилась в 1929 году, в это же время М. Бахтин создаёт текст «К философии поступка», а его статья *Искусство и ответственность* вышла ещё в 1919 году²⁹.

Обратим внимание на сам вопрос о формализме в этике – проблема, которая сразу же вводит статьи Д. Чижевского в контекст философских идей начала 20 века (Макс Шелер) и частично мыслей М. Бахтина по этому поводу (такая параллель особенно напрашивается в связи с темой Ф. Достоевского). Сам Д. Чижевский так объясняет ситуацию: «Тема формализма в этике – основная тема современного этического кризиса. Говоря о «современном этическом кризисе», мы имеем в виду не расхождение этических норм и реальной жизни, не неудовлетворительность или «отсталость» этических основоположений и норм. Этический кризис в *таком* смысле всегда наличествует, даже в наиболее статические и максимально «счастливые» эпохи, даже в средневековье. Но в то время, как в одни эпохи жива вера в «предустановленную гармонию» между нормою и бытием, вера в возможность восстановить нарушенное равновесие между ними, в другие эпохи – так и в нашей современности – веры этой нет, и этический кризис переживается под знаком возможной его безысходности»³⁰. Этический кризис порождает критику этического формализма, о которой Д. Чижевский замечает: «Всякая критика *этического* формализма неизбежно сталкивается с проблемами *логики*. Ибо – этический *формализм* базируется на признании того, что отдельные, конкретные действие отдельных конкретных этических

²⁸ Д. Чижевский писал рецензию на второе издание книги Михаила Бахтина о Достоевском *Проблемы поэтики Достоевского*, которая была напечатана в Нью-Йорке в 81 томе «Нового журнала» (1965, с. 282–284).

²⁹ См.: Махлин, В. Л.: Михаил Бахтин: философия поступка. Москва 1990.

³⁰ Дмитрий Чижевский: О формализме в этике (Заметки о современном кризисе этической теории), в: Русский Народный Университет в Праге. Отчет о деятельности за 1927–28 учебный год. Научные труды. Том 1, Прага 1928, с. 15.

Дмитрий Чижевский и формализм: гуссерлианский контекст

индивидуумов определяются известными *общими* положениями, «прилагаемыми» к каждому отдельному частному случаю, подобно тому, как «прилагаются» к частным случаям общие положения математических или естественных наук или, например, юридические нормы, правила карточных и иных игр, правила правописания и т. п.» Наконец, в статье *К проблеме двойника* Д. Чижевский уже непосредственно в русле идей формализма обращается к литературоведческим вопросам художественного стиля, сюжета и идеологии: «Исходным пунктом нашего анализа будет признание, что *художественный стиль Достоевского построен на взаимопроникновении «натуралистических» и ирреалистических элементов.* Проза и пошлость жизни причудливо сплетаются с фантастикой, натуралистический рисунок – с пафосом отвлеченной идеи, трезвенное устремление к реальности – с экстатическим ясновидением запредельного. И сила Достоевского – в том, что эти полярно-противоположные, «противоречивые» элементы у него не просто смешаны, но сплетены и сращены в органическое единство... Здесь для нас существенно, что *реально-психологический анализ Достоевского в то же время может быть назван «трансцендентально-психологическим», «смысловым»,* и что все реальные события, весь *сюжетный рисунок* в целом и в деталях является одновременно и развертыванием *идеологической конструкции*, иногда чрезвычайно сложной и стройной. Для наших дальнейших анализов особо существенен именно этот дуализм смысловых плоскостей развертывания сюжета»³¹. Дмитрий Чижевский считал, что только научное творчество способно преодолеть безысходность современной ему ситуации в европейской науке, безысходность этического кризиса: «И только благодаря тому, что между нашим «я» и действительностью становится, двигается мысль, мы получаем возможность как-то поиному прикоснуться к действительности, стать причастным бытию, а не только текущей случайности бывания. В акте осмысления бывание снимается, и нам раскрывается идеальное единство бытия»³².

Второй аспект проявления гуссерлианского формализма в творчестве Дмитрия Чижевского – это множество его статей и публикаций, написанных в русле методологических ориентаций формализма. От статьи *О «Шинели» Гоголя*, в которой интерпретируется 73 раза упомянутое в тексте повести Н. Гоголя слово «даже», от многочисленных работ о метрике и рифме Г. Сковороды или Т. Шевченко, статей о функциях топосов и метафор до знаменитой статьи о мировоззрении Карела Генека Махи. В сборнике,

³¹ См. в этом плане: Дмитрий Чижевский: К проблеме двойника, в: О Достоевском. Под ред. А. Л. Бема. Книга 1. Прага 1938, с. 9–38.

³² Чижевский, Д.: О формализме в этике (Заметки о современном кризисе этической теории), в: Русский Народный Университет в Праге. Отчет о деятельности за 1927–28 учебный год. Научные труды. Том 1, Прага 1928, с. 16.

в котором эта статья была напечатана под редакцией Я. Мукаржовского, прямо говорилось, что книга объединяет работы членов Пражского лингвистического кружка³³. Отмечу, что именно в контексте идей формализма и структурализма совсем недавно был проанализирован весь упомянутый сборник, в том числе и статья Д. Чижевского в нем³⁴.

Наконец, третий аспект – это отношение Д. Чижевского к терминологии формализма, которую он использовал в своих работах. Почти в конце своего жизненного пути Д. Чижевский вернулся к одной из центральных проблем русского формализма – понятию «остранение». В краткой заметке на эту тему он подверг резкой критике теорию Виктора Шкловского, считавшего в своё время остранение «универсальным понятием поэтики»³⁵. Д. Чижевский пишет, что сами формалисты редко употребляли этот термин, а Роман Якобсон в свои Пражские годы просто избегал его. Это объясняется тем, что в своем значении термин «остранение» слишком изменчив, и с его помощью нельзя обозначить конкретные черты художественного произведения. Этот термин может все обозначить, но не в состоянии что-либо объяснить, кроме само собою разумеющегося тезиса о том, что язык художественного произведения принципиально отличается от обыденного языка. Более того, в свое время уже Аристотель писал о полезности чужих и чужеродных слов для поэзии, имея ввиду метафорическое употребление обычных слов³⁶. Но в статье Д. Чижевского 1974 года, посвящённой связям Л. Толстого с европейским Просвещением, учёный наоборот, весьма положительно пишет об остранении и о том, что это понятие получило широкое распространение в нерусском литературоведении (американском и немецком)³⁷. В этом контексте следует отметить, что в последние годы своей

³³ См. статью Д. Чижевского в: Mukařovský, J. (eds). *Torso a tajemství Máchova díla. Sborník pojednání Pražského lingvistického kroužku*. Praha: Fr. Borový, 1938, s. 111–180.

³⁴ Schmid, H.: *Der Sammelband „Torso a tajemství Máchova díla“ als Dokument des Prager Linguistischen Kreises*, in: *Kapitel zur Poetik Karel Hynek Máchas. Die tschechische Romantik im europäischen Kontext: Beiträge zum Internationalen Bohemistischen Mácha-Symposium an der Universität Potsdam vom 21. bis 22. Januar 1995*. Herausgegeben von Herta Schmid in Zusammenarbeit mit dem Ústav pro českou literaturu Akademie věd České republiky und unter Mitwirkung von Holt Meyer und Irina Wutsdorff. München 2000. S. 195–222.

³⁵ Tschizewskij, D.: Nachtrag: Bemerkungen zur „Verfremdung“ und zur „negativen Allegorie“, in: Dmitrij Tschizewskij: *Kleinere Schriften. II.: Bohemica*. München 1972, S. 140.

³⁶ Tschizewskij, D.: Nachtrag: Bemerkungen zur „Verfremdung“ und zur „negativen Allegorie“, in: Dmitrij Tschizewskij: *Kleinere Schriften. II.: Bohemica*. München 1972, S. 143. Отмечу, что сам Виктор Шкловский в статье *Искусство как приём* указал на прямую связь своей концепции с поэтикой Аристотеля, подчеркнув, что «поэтический язык, по Аристотелю, должен иметь характер чужеземного, удивительного» (Виктор Шкловский: *О теории прозы*, Москва 1983, с. 23). Так что в этом отношении упрёки Д. Чижевского не совсем справедливы.

³⁷ Tschizewskij, D.: *Tolstoi und die Aufklärung des 18. Jahrhunderts*, „Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen“, Bd. 211, S. 46.

Дмитрий Чижевский и формализм: гуссерлианский контекст

жизни Д. Чижевский обратился также и к проблемам структурализма и семиотики, особенно этот давний интерес отразился в его рецензиях на книги Юрия Лотмана. В этих рецензиях учёный обсуждает особенности новой терминологии («вторичные моделирующие системы», «идеология», «теория информации») и одновременно предлагает широкий философский фон для обсуждения проблемы, прежде всего – традицию немецкой классической философии (Гегель и Кант)³⁸.

Таким образом, отношение Дмитрия Чижевского к формализму – каким оно предстает в его публикациях – парадоксально противоречиво. С одной стороны, этот учёный постоянно подчёркивал свою связь философией и личностью Эдмунда Гуссерля и свою связь с формализмом и структурализмом Романа Якобсона и Пражского лингвистического кружка. С другой стороны, однако, в своих публикациях Д. Чижевский постоянно преодолевал границы и интерпретационные стратегии формализма. Багаж знаний, которыми он обладал, приступая к интерпретации литературного произведения, выводил его на такие идейные, исторические и биографические контексты, которые уже не могли гарантировать изучение только одного предмета – литературы. В этом отношении стратегия Д. Чижевского противоречила известному определению формального метода Бориса Эйхенбаума (в статье *Теория «формального метода»*): „Так называемый «формальный метод» образовался не в результате создания особой «методологической» системы, а в процессе борьбы за самостоятельность и конкретность литературной науки. Понятие «метода», вообще, несоответственно расширилось и стало обозначать слишком многое. Принципиальным для «формалистов» является вопрос не о методах изучения литературы, а о литературе как *предмете* изучения. Ни о какой методологии мы, в сущности, не говорим и не спорим. Мы говорим и можем говорить только о некоторых теоретических принципах, подсказанных нам не той или другой готовой методологической или эстетической системой, а изучением конкретного материала в его специфических особенностях“.³⁹

³⁸ См. прежде всего две рецензии Д. Чижевского: 1) Ju. Lotman. Struktur des künstlerischen Textes (Структура художественного текста), Moskau 1970, 384 S., „Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen“, Bd. 208, S. 471–472; 2) Lotman Ju. Semiotik des Kinos und Probleme der Kinoästhetik (Семиотика кино и проблемы киноэстетики). Tallin (Reval) 1973, 137 S., „Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen“, Bd. 214, S. 480.

³⁹ Эйхенбаум, Б.: О литературе. Работы разных лет. Москва 1987, с. 375.

